

СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Публика вообще не показатель: публика будет любить кого ей предьявят. А Высоцкий был яркий, да. И в силу своего происхождения и социального положения мог делать то, чего не разрешалось другим. Большим артистом он, пожалуй, не был, да и в песенно-музыкальной своей деятельности нового не сказал, но обаяние незаурядной личности согревало все, к чему он прикасался. Одни только фильмы с его участием – он везде играл себя. Он был искренний, увлекающийся, пылкий – это всегда подкупает. И он так славно рычал. Едва ли эта слава протянет дольше тех, для кого его голос был символом юности: уже сейчас очевидно, что дело идет к закату. Но, тем не менее, его деятельность можно назвать творческой. Он старался.

К Высоцкому я вообще неплохо отношусь. Он мне гораздо симпатичнее Бродского, например. Но «нравится» это все-таки не критерий. Что-то, созвучное вам лично – это может быть просто группа каких-то классных воспоминаний, не связанных с содержанием произведений.

Потому что есть разница между культурной и художественной ценностью. Культурной ценностью обладают самые разные предметы вокруг – стул, на котором вы сейчас сидите, вчерашняя газета или вот этот текст. Или творчество бардов, основная значимость которого – смысловая, и связана неразрывно с обществом, к которому они принадлежат.

А художественность существует вне времени. Это такое пламя внутри вещей. И это пламя не в памяти твоей, а в том, на что ты смотришь. Какое-то настроение или состояние, в котором хочется пребывать. Которое повторяешь для себя снова и снова – и каждый раз оно уводит в другую сторону. И ты проживаешь этот кайф тысячу раз, как тысячу жизней, и все равно не знаешь, каким он будет завтра.

Таких произведений немного, на самом деле. Но их только и можно относить к явлениям искусства. На них можно смотреть бесконечно, как в огонь или в темную воду. В них есть глубина. Она заключена в самих предметах – а не в глазах зрителя.

Язык Высоцкого довольно небогатый – и это одна из причин широкой популярности; словарная скудость делает его более доступным. При этом у него есть своя стилистика, узнаваемая по характерному звучанию и большой энергии, вложенной в исполнение; по содержанию песни неглубоки, но лиричны и остроумны. В его творчестве не было большого развития, и я бы не сказала, что сочинения его отличаются особой задушевностью; зато в них всегда есть сюжет и развязка.

С Маяковским их действительно можно сравнивать, поскольку оба работали преимущественно над формой; содержательная сторона для обоих была второстепенна. Однако Маяковский в художественном отношении куда разнообразнее и уровень его мастерства выше. Формы его стихов далеки от механичности, в них

есть непредсказуемость и много нарушений формальных правил; в них есть живое чувство и поэзия. Хотя, как и тексты Высоцкого, они поверхностны.

Впрочем, блатной романс и не должен быть глубоким или слишком художественным – это противоречит специфике жанра. Поэтичное звучание ему придает эмоциональное исполнение. Только эмоции не заменяют чувства. Многие ассоциируют Высоцкого с огнем – и с этим, пожалуй, можно согласиться. Так горит газетная бумага: быстро, ярко и беспонтово.

С Маяковским Высоцкого также объединяет слабость, и этот крах в конце жизни. Несоразмерность дара, с которым человек пришел в этот мир, и его личной силы – одно из навязчивых проклятий русской литературы. Вся история ее состоит из душераздирающих примеров того, как чудовищно можно распорядиться своим талантом. На что можно променять его, как промотать и превратить в мусор эту разрывающую сердце божественную искру. История отечественной словесности все время убеждает в том, что дар – это великий соблазн и непосильная тяжесть.

Ужасно не то, что написанное Высоцким оказалось так пустозвонно, – ужасно, что это оказалось намного меньше того, что он мог. Его сумасшедшая, ошеломляющая энергия вся расплескалась в повторение себя и борьбу с химической зависимостью в конце. Потому что вседозволенность на физиологию не распространяется.

В современной русской культуре одаренность вообще принято рассматривать как оправдание для слабостей. Повод красиво зажечь. – Он талантливый, ему можно. – Они все пьют. Торчат, предают, продаются. – Они ж так страдают, им простительно.

У нищего каждый день последний.